LIETUVIŲ KALBOTYROS KLAUSIMAI, IV
LIETUVOS TSR MOKSLŲ AKADEMIJA

БАЛТИЙСКАЯ ГИДРОНИМИЯ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В. Н. ТОПОРОВ, О. Н. ТРУБАЧЕВ

В настоящей статье вкратце излагаются основные выводы о балтийской гидронимии в бассейне Верхнего Днепра, к которым нам удалось прийти в недавно законченной большой монографии «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». В этом исследовании, помимо подробного анализа славянских, иранских и финских элементов верхнеднепровской гидронимии, особое внимание уделено следам балтийского этнического элемента, поскольку они отражены в названиях вод. Основные задачи в этой части работы заключались в исчерпывающем, по возможности, сборе балтийских гидронимов в этом районе; в установлении границ распространения балтов в Поднепровье и их основных очагов; в описании словообразовательных типов балтийской гидронимии Верхнего Днепра и, наконец, в попытке предварительной диалектной стратиграфии балтийского элемента на этих территориях.

Что касается первой из упомянутых задач, то ее решение представлено в этимологическом словаре балтийской гидронимии Поднепровья, который вследствие большого объема не может быть здесь приведен. Поэтому придется ограничиться лишь отдельными извлечениями.

С нашей точки зрения, одним из наиболее существенных результатов является установление юго-восточной границы балтийских названий в Поднепровье. Несомненно, что ее нужно отнести гораздо дальше на юго-восток, чем это делалось до сих пор, в бассейн Сейма. Об этом свидетельствуют, во-первых, факты непосредственных балто-иранских языковых контактов в бассейне Сейма и, во-вторых, наличие не менее двух десятков балтийских речных названий по Сейму. О балто-иранских контактах, в более общем виде подкрепляемых рядом удивительных балто-иранских лексических параллелей, отмеченных в самое последнее время (ср. названия целого ряда сельскохозяйственных продуктов и т. п.), можно судить и по некоторым весьма конкретным гидронимическим примерам. Один из наиболее удачных — название реки бассейна Сейма *Ропши* (от иранского слова, обозначающего лисицу), калькируемое не только с помощью славянского гидронима *Лисичка*, но и с помощью названия *Лопанка* (приток Ропши), образован-

ного от балтийского корня со значением 'лисица'. В этой связи интересно упомянуть об уникальном случае калькирования в пределах одного слова: ирано-славянское гибридное образование *Хартислова* (где первая часть содержит иран. *har-* 'течь', а вторая отражает слав. *slov-* с тем же значением) имеет балто-славянский дублет *Серцысловка* (где первая часть — из **Serti-* — носит определенные балтийские черты, ср. лит. *Sartai* и т. д., *Сертея* в басс. Березины и др.). Наконец, даже название реки иранского происхождения *Свапа* (из **xvāp-* 'хорошая вода', ср. по соседству *Доброводка*) в том, что касается начального *s*, предполагает участие балтийского языкового элемента (в противном случае было бы **Хвапа*). С другой стороны, несомненность присутствия балтов на Сейме подтверждается целым скоплением балтийских гидронимов на правобережье этой реки: *Обеста*, вар. *Абеста, Обста* (ср. лит. *Abista*), *Клевень* (ср. лит. *Klevinas*), *Кубрь*, вар. *Кубарь, Куберь* (ср. лит. *Каубри, Кавбре*. Спрогис), *Вопка* (ср. *Вопь*, от балт. *upė/ape* 'река'), *Лекта* (ср. прусск. *Likutte*), *Вабля* (ср. прусск. *Wobel*, лит. *Vabalė; Вабаля, Воболя*. Спрогис), *Молч* (ср. *Молча* в басс. Березины, *Милча* в басс. Сожи; прусск. *Miluke*, лит. *Milkutis, Milčius*), *Ратен*, вар. *Ратень* (ср. лит. *Rotenis*, прусск. *Roteniten*) и др. Любопытно, что слева от Сейма найдено лишь два балтийских гидронима: *Мороча*, вар. *Мароча* (ср. лит. *Merkys*) и *Рехта* (см. ниже). Подобное распределение балтийских названий позволяет рассматривать Сейм как своего рода рубеж распространения балтов на юго-востоке, который они не переходили в южном направлении. Если в этом районе балты соседили с иранцами, которые, возможно, представляют здесь более древний этнический пласт, то в остальных частях бассейна Верхнего Днепра балты, вне всяких сомнений, были основным этническим компонентом, начиная с самой отдаленной древности, доступной лингвистическому контролю.

Отмеченная ниже группировка балтийских гидронимов по Сейму представляет собой продолжение довольно крупного скопления соответствующих названий в бассейне Десны. Если говорить об окраинных территориях распространения гидронимии балтийского типа, то прежде всего следует указать нижнее течение Десны от впадения в нее Сейма вплоть до самого устья. Для этого района в качестве балтийского гидронима указывалось лишь название *Верепето/Верепата* (ср. лит. *verpetas* 'водоворот'). Тем не менее, их здесь гораздо больше, хотя не все примеры в равной степени убедительны: *Мордосы* (в самом устье Десны; ср. лит. *Mardosai*, назв. деревни), *Титва* (ср. лит. *Tytuva*), *Жевень*, вар. *Жеведь* (ср. лит. *Žiaunė*, от *žiauna* 'челюсть'), *Шморговка* (ср. лит. *Smurgainė*), *Ректа, Мена, Сперша, Вербча, Силенка, Салова, Кокес* и др.

Уже в прежних трудах по изучению балтийских следов в гидронимии ныне славянских территорий сложилось представление о Припяти как о южной границе распространения балтийских названий. Во всяком случае Кочубинский, Погодин и Буга отметили ряд примеров такого рода, причем Буга некоторую часть их связывал с ятвягами (названия на *-да* по Припяти и по Западному Бугу). Тем не менее бассейн

Припяти до сих пор не рассматривался как место весьма крупного скопления гидронимии балтийского типа. В настоящее время можно привести не менее полусотни названий балтийского происхождения с левобережной Припяти. Этого, по-видимому, достаточно, чтобы утверждать, что гидронимия к северу от Припяти носит явный отпечаток балтийского происхождения. В отличие от районов по Сейму и нижней Десне, где балтийские примеры выступают в меньшинстве и, во всяком случае, спорадичны, на левобережной Припяти балтийская гидронимия составляет основной пласт. Сюда относятся *Морочь* (см. выше), *Мажа* (ср. лит. *Maž-upė*), *Нача*, вар. *Начь* (ср. прусск. *Notis*, лит. *Notija, Nočia* и др.), *Неначь* (см. *Нача*), *Бержица* (от балт. *berž-* 'береза', ср. *Beržuona*), *Мытвица* (ср. лит. *Mituva*, лтш. *Mitava*), *Оражня*, вар. *Орижня* (ср. прусск. *Aryngine*), *Освица* (ср. лит. *Ašva*), *Нертка* (ср. лит. *Nerята*. Спрогис), *Шальбенка*, вар. *Шолбенка* (из балт. **Skalb-/*Skelb-*), *Плиса* (ср. лит. *Plisa*), *Морожа* (ср. лит. *Margis*), *Уча* (ср. лит. *Ančia*), *Цна* (ср. прусск. *tusnan* 'тихий', *Tuseine*), *Яселда, Пина, Пипин, Темра, Лань, Першница, Вессия*, вар. *Есейка, Сиволка*, вар. *Сивельга, Доколка, Дуполка, Шацка, Шанька, Яшна, Немегля, Какланка*, вар. *Оражня, Нератовка, Оресса, Снеролка, Язелица, Несла, Несетня, Тремля, Ковна, Наровля, Свериж* и др. Многие из этих названий имеют довольно четкие соответствия в гидронимии современных балтийских территорий. Все эти факты в совокупности позволяют думать, что балтийский этнический элемент в этом районе продолжал сохраняться довольно долго. Весьма интересно — тем более, что ранее об этом не писали, — наличие нескольких речных названий с балтийской, по-видимому, этимологией к югу от Припяти. К ним в первую очередь можно отнести названия *Мытва*, п. п. Припяти; *Верпа*, п. п. Славечны; *Череса*, п. п. Девошина; *Желонь*, п. п. Славечны; с притоками *Прижолонок, Желонька; Желонь*, п. п. Ситовки. Разумеется, что, рассмотренные изолированно, эти названия могут быть проэтимологизированы иначе, однако, в общем контексте гидронимов, примыкающих к этому району с севера, заключение о балтийском происхождении названных гидронимов кажется весьма вероятным, тем более, что ряд названий повторяется и на тех территориях, где балтийские элементы несомненны (ср. *Желонь, Верепето, Мытвица* к северу от Припяти). Кстати, наличие балтийских элементов по обе стороны Припяти выглядит сомнительным лишь при том условии, что Припять представляла собой непреодолимый рубеж, как это обычно считается в литературе. Нужно думать, что подобное мнение в настоящее время нуждается в серьезной коррективе. В нашем распоряжении, помимо приведенных примеров, есть и другие данные, позволяющие усомниться в изолирующей роли Припяти. Речь идет прежде всего о повторяемости речных названий к северу и к югу от Припяти. В частности, это относится к названию *Случь*, встречающемуся по обе стороны Припяти, не говоря уже о некоторых менее значительных гидронимах, подчас выступающих с легкими видоизменениями. Поэтому не удивительно, что к югу от Припяти встречается ряд гидронимов, по-видимому, балтийского происхождения, которым можно найти соответ-

ствия не только на левобережье Припяти, но и в других частях Верхнего Поднепровья. Ср., например, *Сажелка,* п. п. Родчи, п. п. Уборти, п. п. Припяти и *Сажелка* (Ельнинск. у. Смол. губ.); *Бастова,* л. п. Уша, п. п. Припяти, сюда же Бастовка, л. п. Уша, ср. *Бостя; Вишка,* п. п. Уборти, п. п. Припяти, ср. *Виша,* п. п. Ипы, л. п. Припяти (лит. *Viešia*); *Свидовка,* п. п. Уборти, п. п. Припяти, сюда же *Свидовец,* озеро в бассейне Свидовки, ср. *Свида,* бассейн Березины, *Свидня,* бассейн Десны; *Лоша,* л. п. Чертеня, л. п. Славечны, п. п. Припяти, ср. *Лоша,* бассейны Сожи и Десны, и некоторые другие. Помимо этих случаев, должны быть упомянуты, вероятно, балтийские гидронимы к югу от Припяти, которые обычно не имеют соответствия в других районах Верхнего Поднепровья: *Сколодинка,* п. п. Припяти, ср. др.-прусск. *Skalden, Scolden,* лит. *Skoldainiai; Родча,* п. п. Уборти, п. п. Припяти, вар. *Радча,* ср. др.-прусск. *Rudicus,* сюда же *Рача,* л. п. Грезли, л. п. Уша, п. п. Припяти, вар. *Радча*); *Виговка,* л. п. Уша, п. п. Припяти, ср. лит. *Vygala,* река, прусск. *Wigal*; *Наровля,* п. п. Припяти, вар. *Наровлянка,* ср. польск. *Narew,* прусск. *Narussa; Ситовка,* п. п. Припяти, ср. прусск. *Seyte,* река, лит. *Sietuva; Чолница,* п. п. Стыри, п. п. Припяти, ср. также *Чолна, Чолкна* в бассейне Ипути; *Перга,* п. п. Уборти, п. п. Припяти; *Зольня,* л. п. Уборти, п. п. Припяти, сюда же *Золонка* и др. Обращает на себя внимание, что балтийские гидронимические следы сосредоточены в восточной части правобережной Припяти (по Уборти, Славечне и Ушу), тогда как в западной части (по Горыни) они нами не найдены. Таким образом, приведенные соображения вынуждают пересмотреть старую точку зрения о Припяти как балто-славянском водоразделе (ср. Буга) и одновременно уточнить характер этой южной периферии балтийского гидронимического ареала по Днепру.

Одним из более значительных скоплений балтийской гидронимии в Верхнем Поднепровье является бассейн Сожи. Показательно, что в течение долгого времени исследователи считали невозможным присутствие в этом районе балтийских названий. Лишь в 20-ых годах Буга, вопреки своему прежнему мнению, счел допустимым указать по Сожи несколько балтийских названий рек. Фасмер также признал возможным наличие нескольких названий балтийского происхождения в этом районе. Однако в результате трудов этих ученых к настоящему времени в качестве балтийских рассматривалось менее десятки названий: *Волчеса, Четовка, Лямна, Крунка, Узныч, Лучеса, Лыза, Чечера/Чечора.* Сплошное обследование гидронимии этого района показало, что приведенное количество гидронимов может быть увеличено по меньшей мере в пятнадцать раз (не считая вариантов). Сразу следует отметить, что по степени достоверности и по наличию соответствий в гидронимии теперешних балтийских территорий приводимая ниже масса названий не уступает выявленным ранее. Также обращает на себя внимание факт равномерного распределения балтийской гидронимии по всему бассейну Сожи, что, в частности, свидетельствует о том, что балтийские поселения не кончались в пределах этого бассейна и уходили далее на восток. Не претендуя здесь на исчерпывающий список и не повторяя того,

что уже отмечено предыдущими исследователями, укажем такие названия, как *Вупенка, Упинька* (от балт. *upė* 'река'), *Натопа* (из балт. **Nat-up-/*Nat-ap-*, ср. лит. *noterė*, прусск. *noatis* 'крапива'), *Крютка* (ср. лит. *Kriauta*, прусск. *Kreutho, Kreuto*), *Ремистово* (ср. прусск. *Ramestow*), *Гижинка, Гейшинка* (ср. прусск. *Gezyelauken*), *Ворминка* (прусск. *Wormen*), *Рудея* (из балт. **Rudēja*, ср. лит. *Руде, Рудия*. Спрогис, прусск. *Rudenik, Ruditen* и др.), *Жубр* (ср. лит. *Жауберишки*. Спрогис, *žiauburys* 'возвышенное место'), *Молинка* (ср. прусск. *Moleyn*, лит. *Molupis,-ys, Молине*. Спрогис и др.), *Очеса* (из балт. **Akesa*, ср. лит. *Akelė*), *Невежа* (ср. лит. *Nevėžis*), *Колпита* (переделка балт. названия, ср. прусск. *Gulbiten*), *Воржанка* (ср. *Вержа*, лит. *Viržuva*), *Габья* (ср. также *Габель, Гобенка, Гобень, Гобик, Гобеск, Гобья;* лит. *Gabinės*, прусск. *Gobayn, Gabelin* или же лтш. *Gauja*?), *Надва* (прусск. *Nedwe*), *Реста* (ср. балт. названье ореха; допустимо также сравнение с лит. *raistas* 'болото', прусск. *Raystopelk, Reisten*), *Ректа/Рехта* (возможно, из балт. диал. **riekst-*>слав. **rěkxt-*>**rěxt-*), *Овчеса, Сапелка, Перенка, Пирянка, Лобжа, Удуга, Лопча, Вопчек, Шелбицы, Чолкна, Откильня, Чемена, Вопрат, Опороть, Выдрыжа, Домша, Щолбня, Сельна, Селинка, Скверета, Дымалки, Сенжа, Ситинка, Недна, Навля, Лядуга, Калита, Дрогонка, Селенка, Бовша, Жавуница, Шума, Жадунка, Жадынь, Палуж, Полонка, Лобно, Беседь, Бася, Проня, Чавенка, Кошанка, Кошна, Рыдыга, Дубречь, Касна, Саложа, Стометь, Стомятка, Картель, Гариста, Бественка, Вепренка, Полна, Туросна (Тросна), Судинка, Гжунь, Случь, Случь-Мильча, Иволь* и др. Таким образом бассейн Сожи представляет собой один из наиболее значительных по количеству гидронимов и по густоте балтийского массива, тянущегося от верховьев Угры и Оки, где балтийская гидронимия встречается несравненно реже, до нижней Десны, где количество балтийских названий заметно убывает.

К востоку от бассейна Сожи балтийская гидронимия сосредотачивается в бассейне средней и верхней Десны. До сих пор балтийская гидронимия в этом районе практически не была обнаружена. Тем не менее, она здесь, несомненно, существует (около сотни названий), хотя в количественном отношении она уступает балтийским названиям Посожья по крайней мере на одну треть, причем зачастую она этимологически менее прозрачна. Из балтийских названий среднего и верхнего Подесенья следует отметить: *Стрена*, вар. *Стряна* (ср. лит. *Stirna, Stirnė*), *Стряница* (см. Стряна), *Болва* (ср. лтш. *Bolva*, лит. *Balvis*, прусск. *Balowe*), *Ведьга* (ср. *Ведога, Ведуга, Удуга;* лит. *Vadaga, Vedega*), *Водоча* (ср. лит. *Vadak(s)tis*), *Левень* (ср. лит. *Lėvuo*), *Чечера* (ср. лит. *Čičirys*, лтш. *Ciecere*), *Кичета* (ср. прусск. *Keikot*), *Вержейка* (см. *Вержа*), *Локчь* (прусск. *Lukte, Lucten*), *Лопанка* (ср. прусск. *Lopino, Lapaynen*, лит. *Lapinas, Lapainė*, лтш. *Lapaina*; см. также выше), *Залятка* (ср. лит. *žolėtas* 'покрытый травой'), *Свидня* (ср. прусск. *Swyden, Sweiden*), *Габья, Гобья, Гобеск* (см. выше), *Локна* (ср. лтш. *Lukna*, лит. *Luknė*, прусск. *Lockeneyn*), *Лемница* (ср. лит. *Liminas*), *Орлия* (ср. прусск. *Arle*, лит. *Орля*. Спрогис), *Неруса* (ср. прусск. *Narussa*), *Дегна*

(ср. лтш. *Deguns, Deguni*), *Серижа* (ср. прусск. *Seringe*), *Стенега* (ср. прусск. *Stenge*, лит. *Stangė,-is*), *Крупела* (ср. прусск. *Craupolythen, Kraupol-*), *Вепрея, Иночка, Улемка, Жеванка, Ледмен, Навля, Рамосуха, Вабля, Вара, Варя, Свеса, Накоть, Сельня, Полна,* вар. *Пальня, Устарь,* вар. *Тара, Ратча, Немда, Литиж, Думча, Понемель, Шеверка, Ломна, Недна, Присмара, Присмарка, Бестань, Восавка, Турейка, Дамынка, Соложа, Неполобь, Перетесна, Локатен, Сморжиновка, Осова, Соля, Судость, Ломня, Рудомья, Лопузна, Лабезна, Березна, Туща, Стогоровка, Гольвросовка, Тросна, Улица, Ивот/Ивоть, Ветьма, Витемка, Берещанка, Несса* и др. Убывание балтийских названий в бассейне Десны по сравнению с Сожью, а также сокращение их числа в самом бассейне Десны по направлению с запада на восток может быть, видимо, истолковано как свидетельство близости крайних восточных границ распространения балтийских племен. Однако дальнейшее уточнение возможно лишь при обследовании гидронимии по верхней Оке.

К западу от бассейна Сожи (в верховьях Днепра) лежат территории, на которых и ранее было обнаружено немало следов балтийской гидронимии. Тем не менее, и здесь лакуны были весьма значительными. В настоящее время количество известных балтийских гидронимов в верховьях Днепра (до устья Сожи и исключая бассейн Березины) может быть значительно увеличено. К числу балтийских могут быть отнесены в этом районе следующие названия рек: *Абольна* (ср. лтш. *Abula, Abuls, Obole, Оболь, Оболянка* в басс. З. Двины), *Стабна/Стабенка, Стабня* (ср. прусск. *Stabingen, Stabynotilte*), *Корса* (ср. прусск. *Corseen, Corslauken*), *Стябура/Стебула* (ср. лит. *stimbras*, лтш. *stiebrs*), *Вопь* (ср. балт. *upė/ape*), *Вопец* (см. Вопь и др.), *Осьма* (ср. лит. *Ašmena*), *Колпитка* (см. *Колпита*), *Матолка* (ср. прусск. *Matulen* и др.), *Скородка* (ср. лит. *Skardupis*, прусск. *Scharde, Zkarde*), *Водоса/Ведоса* (ср. лит. *Ведоса*. Спрогис), *Ворлинка/Ворлянка* (ср. лит. *Varlinis*), *Моржовка* (ср. лит. *Murgenis*), *Лосьмина/Лосьмена, Лосьменка* (ср. лит. *Lašmuo*), *Водва* (ср. лит. *Vaduva*), *Орлея/Арлея* (см. *Орлия*), *Дрягновка* (ср. лит. *drėgnas*, лтш. *dregns*), *Кидель* (ср. лит. *Кидули*. Спрогис, лтш. *Cidu̧upe*), *Неропля* (из балт. **Ner-upi̧ē/*Ner-api̧ē*), *Сертея* (ср. лит. *Sartė, Sartai* и др.), *Вотря, Вотрица, Апелка, Клица, Четово, Ведога/Ведуга, Искожа, Бостя, Обиша, Описна, Ломна, Лемня, Лямна/Лемна, Лямница, Левна, Колонка, Деговка, Шервенка, Жалдыбка, Мерея/Мирея, Мерейка, Лабаровка, Агрея, Запакулька/Сапакулька, Ломша, Болоновка, Свидера, Пересна, Добосна/Добысна, Вабичь, Ректа, Рехта, Рекута, Рекотка, Рекотна, Ясейка, Политня, Свесовка, Плинки, Колня, Бестенка, Бествена, Отческа, Елча, Варка, Гиченка, Балгучка, Ворсиха/Варсоха, Польна/Полня, Полна, Жагулина, Вязовенка/Дубровинка, Биржевка, Польня, Дорготня, Сельня, Негра, Расна/Рясна, Клетка, Метелка, Залазенка, Зелезенка, Жиложка, Соля/Соль, Подсолок, Залазенка/Залазинка, Жерты/Жерт/Жердь, Ажовка, Молянка/Моленка/Молинка, Улица, Шедаловка, Гжолка/Гжелка, Вержа, Шаколовский, Смогоровка/Смогорянка, Морчанка, Надва, Надва/Нагодный, Залазна, Смонка, Верчанка, Друть, Адров/Одров, Рудея/Радея, Борейшовка, Руз-*

ка, Курейка/Корейка, Бебря, Бобрейка, Волчейка, Нересно, Жупур, Ерневка, Березинка, Березенец, Березина, Березинка/Березина, Ивата/Ивота, Лупа/Лупоголова, Серцысловка, Тросна, Мадора/Мадерка и др. (общим количеством не менее полутора сотен). Обращает на себя внимание, что в верховьях Днепра количество балтийских гидронимов в относительном плане несколько меньше, чем по Сожи. С другой стороны, в пределах самой верхней части Днепра распределение балтийских названий несколько неравномерно: их сравнительно немного по течению Днепра до поворота на юг и значительно больше по правобережью в соседстве с бассейном Березины и далее на юг, по мере приближения к устью Сожи. Достоверность большинства отмеченных выше балтийских следов в гидронимии данного района не вызывает сомнений. Следует отметить, что балтийские поселения, по-видимому, не принадлежали к числу периферийных. К востоку от них балтийские названия продолжаются, хотя и в значительно меньшем количестве, в бассейне Оки и Москвы (в верхней их части). На северо-востоке к верховьям Днепра примыкает небольшое количество вполне достоверных балтийских названий с правобережной стороны Верхней Волги. В северном направлении балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья переходит в бассейн Западной Двины. Любопытно отметить, что на всех перечисленных территориях встречаются балтийские названия, аналогичные тем, которые были выделены в верховьях Днепра, например, *Обиша — Обша, Кидель — Цидель, Вопь — Упа, Сертея — Сертейка, Абольна — Оболянка, Оболь, Негра — Негрянка* и др.

Наибольшим удельным весом обладает балтийская гидронимия бассейна Березины. Относительное количество таких названий здесь столь значительно, а балтийский характер их так очевиден, что не вызывает никакого сомнения мысль об относительно недавнем пребывании на этой территории балтийского населения. Последнее подтверждается и некоторыми прямыми историческими свидетельствами. Столь же достоверна восточнобалтийская принадлежность березинской гидронимии, обнаруживающей многочисленные связи с гидронимией современной Литвы и Латвии. В целом балтийскими могут быть признаны следующие названия рек и озер бассейна Березины (поскольку их этимология чаще всего прозрачна, ограничимся простым перечислением относящихся сюда гидронимов): *Березина, Березанка, Бережница, Бересчанка, Мядзиол, Мяделица, Поня, Варлынка, Можайка, Нидалька, Сергуч, Манцо, Манец, Манча, Осовина, Осова, Осовка, Клева, Клевица, Ола, Нача, Жортайка, Пелик, Плавия, Стабница, Вяча, Венча, Гривка, Болоча, Молча, Ринелка, Сведь/Свида, Ольса, Несета, Цитовка/Цитва, Мяна, Можа, Вожа, Важа, Дий/Дыя, Волма, Брожа, Добрелина, Клупча, Бручь, Свислочь, Мрай, Пядынка, Плис(с)а, Месреда, Цна, Исга, Сха/Цха, Усяж/Усяжа, Гайна/Гойна, Володуть, Рова, Рава, Пустометижка, Синия/Син, Очижа, Пентрица, Нерчай/Нерчанка, Бобруйка, Янчапка, Соленка* и др. Таким образом, густота балтийской гидронимии в этом бассейне превосходит все отмеченные до сих пор случаи (около 80 балтийских названий из общего числа около 300).

Выявление весьма значительного количества балтийских гидронимов в Верхнем Поднепровье (700—800 названий) и изучение их распространения на этой территории, выявившее сплошной и в общем довольно равномерный характер распределения балтийских названий без особых пробелов, заставляют нас сделать вывод, к которому нельзя было прийти ранее на основании небольшого количества территориально ограниченных примеров. Этот вывод заключается в следующем: территория Верховного Поднепровья в 1-ом тысячелетии н. э. — первых веках 2-ого тысячелетия была заселена племенами балтийского происхождения; не может быть речи о том, чтобы объяснить эти названия, сохранившиеся в таком количестве в течение многих веков, с помощью предположения о существовании отдельных изолированных колоний военнопленных и поздних переселенцев, как склонны были думать некоторые ученые. Следует особо подчеркнуть мысль о том, что балтийское население Верховного Поднепровья в своей основной массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними. По-видимому, только при таком предположении станет понятным как сохранение такого значительного числа названий балтийского происхождения, так и их славянизированный фонетический облик, который вводил в заблуждение ученых, подходивших к выявлению балтийских следов с меркой традиционных фонетических балтославянских соответствий, полученных главным образом на материале исконно родственной лексики. В свете сказанного особое значение приобретает постановка вопроса о вкладе в самом широком смысле древнего балтийского населения в историю Верхнего Поднепровья. Разумеется, этот вопрос не может быть решен в данной статье.

До сих пор вопрос о балтийских словообразовательных типах в верхнеднепровской гидронимии практически не ставился. Исследователи ограничивались поисками новых балтийских лексем, считая, по-видимому, что материал для выводов по словообразованию слишком скуден. Со своей стороны, мы считаем возможным утверждать, что именно словообразовательный анализ сулит наиболее значительные результаты, между прочим, в решении также и тех вопросов, на которые трудно было ответить, опираясь только на лексический материал.

Анализируя словообразовательные типы балтийской гидронимии Поднепровья, мы приходим к выводу, что в них в основных чертах отразились наиболее авторитетные гидронимические форманты, известные на территории Литвы, Латвии и бывшей Восточной Пруссии. Разумеется, труднее всего говорить о выделении тех гидронимических типов, которые в своей балтийской форме были лишены специфических словообразовательных примет и окончательно должны были утратить свое своеобразие в процессе усвоения соответствующих балтийских гидронимов славянским населением. Распространенные балтийские словообразовательные типы на *-(a)s, -us, -a,* вполне употребительные и в гидронимии прибалтийских территорий, были, несомненно, представлены и в балтийской гидронимии Поднепровья. Однако типы на *-as, us,* характе-

ризующие собой балтийские слова мужского рода, передавались соответственно мужскими образованиями на славянской почве (-ъ, а после его исчезновения — о, отсутствие флексии). Четкость подобной фонетико-морфологической субституции объяснялась, по-видимому, наличием балто-славянского двуязычия в определенную эпоху в Верхнем Поднепровье. Правда, одного названного условия было бы недостаточно для этого. По-видимому, решающую роль сыграла ощущаемая носителями близость контактирующихся языков, в частности, приблизительно одинаковый принцип противопоставления мужского рода женскому, ср. балт. *-as* (муж. р.): *-a* (ж. р.) = слав. -ъ (муж. р.): *-a* (ж. р.). Подобное соответствие создавало условия для почти автоматического переключения балтийских гидронимов на *-as, -us* в славянскую форму на -ъ. При таком переключении сохранялись все грамматические характеристики, что было весьма важно для обоих языков. В силу этих причин понятно отсутствие *-as, -us* как в гидронимических следах в Верхнем Поднепровье, так и в балтийских заимствованиях (апеллативах) в русских и белорусских говорах. Тем более понятно отсутствие в балтийских названиях вод в Поднепровье самостоятельно балтийского гидронимического типа на *-a*. Он должен был полностью совпасть с соответствующим славянским типом с той же самой характеристикой женского рода *-a*. Полное растворение балтийского гидронимического типа на *-a* в подобном славянском было облегчено тем обстоятельством, что и в славянских и в балтийских языках эти образования примерно одинаково употребительны в гидронимии, поскольку они связаны соответственно со словами женского рода — *река*, балт. *upė/ape*. Поэтому отсутствие балтийских гидронимических типов на *-as, -us, -a* в Верхнем Поднепровье не означает того, что их не было здесь раньше. Наоборот, их наличие здесь в прошлом несомненно, в чем можно убедиться при этимологическом анализе непроизводных гидронимических основ балтийского происхождения. Все, что мы знаем о балто-славянском симбиозе в Верхнем Поднепровье, делает естественным поглощение упомянутых балтийских типов; более странным представился бы противоположный результат. Несколько иначе обстояло дело с усвоением балтийских гидронимов женского рода с мягкой разновидностью основы на *-a*, ср. лит. *Almė, Kurmė, Labė, Nevėžė, Taurė*. Поскольку соответствующая мягкая разновидность основы на *-a* в восточнославянских говорах несколько отличалась от балтийской (ср. балт. *-ė* — славян. *-'a*) и, главное, была не во всех условиях устойчивой, случаев непосредственного усвоения балтийских гидронимов на *-ė* в виде славянских на *-'a* относительно немного. При этом следует заметить, что и эти немногие случаи часто выступают в несколько завуалированном виде, ср. *Невежа* при лит. *Nevėžė, Nevėža*; *Толжа* при лит. *Tilžė*; *Ольша* — лит. *Alšia*, *Вопля* — лит. *upė* 'река'.

Наличие балтийских гидронимических следов с мягкой разновидностью основы мужского рода на *-as-*, как и с основой мужского и женского рода на *-i-*, прослеживается с гораздо большей отчетливостью, поскольку этим гидронимам соответствуют в Верхнем Поднепровье формы с определенной приметой — мягкостью конечного согласного, фор-

мально — наличием *-ь*. Кроме прямых отражений в гидронимии Верхнего Днепра, состав названий на *-i-* может быть пополнен формами с мягкой разновидностью основы на *-a*, которую, как известно, связывали тесные взаимоотношения с основой на *-i-*. Помимо примеров вроде *Морочь — Мороча, Мелечь — Мильча, Милча, Молча, Молчья, Nevėžis — Невежа,* сто́ит лишний раз обратить внимание на пары *Начь* — вар. *Нача.* Обычные при этом взаимоотношения позволяют предположить в качестве источника балтийскую гидронимическую основу на *-i- Noti-*, ср. прусск. *Notis,* ср., впрочем, еще лит. *Notė.* Следы подобных балтийских гидронимических типов на верхнеднепровской территории были, по-видимому, довольно многочисленны, о чем свидетельствует, в частности, несколько необычное количественное соотношение гидронимов на *-ь* к западу и к востоку от Днепра.

Наличие в балтийской гидронимии ряда суффиксов с элементом *-к-* в принципе допускает мысль о сохранении некоторых из этих образований в речных названиях Поднепровья, однако, существенные различия в способах присоединения *-к-* к основе между балтийскими и славянскими языками наряду с соображениями хронологического порядка делают, пожалуй, нецелесообразными поиски следов балтийских гидронимических типов в славянских названиях вод на *-ка.* Тем не менее, весьма значительное число балтийских гидронимических корней на нашей территории расширено с помощью вторичного славянского *-ка* непосредственно и в составе более сложных суффиксов, ср. *Лучесянка, Выпрейка, Мерейка, Варлинка, Колпитка* и др. Этот факт немаловажен для характеристики деталей процесса превращения балтийских гидронимов Верхнего Поднепровья в славянские словообразовательные типы. Обращает на себя внимание скрытая славянским суффиксом *-ка* небольшая компактная группка гидронимов с элементом *-ол-*, показательным для балтийского словообразования: *Матолка, Старолка, Вихолка, Снеролка, Дуполка, Доколка* и др. На балтийский характер названий этой группы указывает гидроним *Мядзиол* в бассейне Березины, сохраняющий большую близость к соответствующему балтийскому типу на *-ol-*, еще не расширенному славянским *-ка,* ср. лит. *Medžiolai,* деревня около Вевиса. В принципе за указанным образованием на *-ол-* могли крыться и балтийские гидронимические образования на *-al-*, ср. лит. *Vygala, Snietala,* лтш. *Jumala, Makale* и др. Элемент *-l-* в подобного рода названиях служит достаточно четким указанием на балтийское происхождение, тем более что славянские гидронимы такого *-l-* в характерном соседстве с гласным полного образования не знают.

Гидронимические типы Верхнего Поднепровья с элементом *-н-* в различных суффиксальных сочетаниях в своем большинстве составляют славянский слой, причем часто — довольно позднего образования. Поэтому и в этом разделе процент возможных балтийских словообразовательных отражений относительно низок. Несмотря на это, удается — пусть на материале единичных примеров — выделить весьма важные балтийские гидронимические форманты. Прежде всего речь могла бы идти о названии Березины и ряде других «березовых» рек, в которых

несомненно присутствие балтийского словообразовательного элемента *-n-*. Сложность выявления особого балтийского типа именно в этом случае заключалась в популярности также для славянской гидронимии словообразовательного типа на *-н-* и даже *-ин(-а)*. Лишь сличение некоторых, на первый взгляд несущественных, различий в словообразовательных моделях и в значении элемента *-in-* позволяет констатировать особый балтийский тип во внешне славянском гидрониме. Из значительной группы славянского адъективного по происхождению *-на(-ьпа)* может быть выделено такое целиком балтийское название, как *Стабна/Стабня* (исторически *Стабьна*, ср. *Стабенка*), в котором с известным основанием можно видеть балтийский гидронимический формант *-inas* (ср. лит. диал. *Štabinas*, др.-прусск. *Stabinotilte*), а не упомянутый славянский суффикс. Возможно, что в гидронимах *Вупенка, Упинька* мы имеем дело со славянским переосмыслением в плане уменьшительных суффиксальных образований на *-енка-, -инька* балтийского форманта *-in-* (ср. лит. *upinis* 'речной'), вовсе не имеющего этого значения. Примеров такого рода переосмысления можно, видимо, немало найти среди славянских гидронимов на *-енка, -инка*, ср. *Чавенка, Чапенка, Доренка, Седеленка, Шушенка, Шервенка, Вороженка, Вупенка, Варлинка, Варлынка, Ворминка*. Среди балтийских гидронимов Верхнего Поднепровья есть несколько оканчивающихся на *-ень*, за которым скрываются два самостоятельных словообразовательных типа балтийской гидронимии. С одной стороны, в примерах вроде *Клевень, Верепень* допустимо видеть продолжение балтийского суффикса *-inis* (ср. *Klevinė*, деревня близ Капсукаса, *Verpetinė*, луг близ Пабирже), который усваивался на славянской почве в виде *-ьнь*, откуда *-ень*, совпавший с соответствующим славянским суффиксом. В виде предположения можно упомянуть о допустимом отражении балтийского суффикса *-en-*, тем более что этому соответствовало бы очевидное отсутствие беглости *-е-* в нашем примере. С другой стороны, примеры на *-ень* вроде *Левень* дают основание предполагать старую согласную основу на *-n-*. Вероятность отражения на нашей территории других балтийских основ на согласный подтверждается наличием такого названия как *Лосьмена*, предполагающее старую основу на *-men-*, известную и в литовской гидронимии, ср. *Lašmuo*. Любопытно, что это название известно на Верхнем Днепре в целом ряде вариантов: *Лосьмина, Лосьменка, Лосменка, Лосменная, Лосьмонька* (с характерным вокализмом этого суффикса), *Лосвина, Лосвянка*. Хотя основы на *-men-* есть и в славянской гидронимии, ср. *Вязьмень, Сухмяна* и др., однако, смешать их с соответствующими балтийскими основами невозможно. Происхождение от балтийского гидронима на соответствующую основу можно подозревать и для речного названия *Ледмен*. По-видимому, в остаточной форме старая основа на *-men-* скрыта в гидронимии *Осьма* в самих верховьях Днепра, ср. лит. *Ašmena*. Примечательно, что в бассейне Осьмы и на непосредственно прилагающих к нему территориях часто встречается название *Каменка*, что в совокупности весьма напоминает картину, отмеченную в восточной части литовской территории.

Для гидронимии всех балтийских территорий характерно наличие особого словообразовательного типа на *-ēja*. Более ограничен ареал балтийских гидронимов на *-ija* (отсутствуют в Латвии). Еще реже примеры гидронимов на *-auja*, ср. *Miltauja, Pienauja, Vidauja* и т. д. Эти и подобные им образования составляют особую группу гидронимических формантов, тесно связанных друг с другом на балтийской почве. Наиболее авторитетные из перечисленных балтийских гидронимических типов встречаются и на верхнеднепровской территории. В первую очередь это относится к гидронимам на *-ея* (*Мерея, Сертея, Локнея* и т. д.), часть которых отразилась в виде названий на *-ейка* (*Мерейка, Весейка, Вержейка* и др.). Для последнего случая допустимо предположение о возможности, по крайней мере, для отдельных примеров, непосредственной связи с балтийским формантом *-eika*. Балтийский гидронимический тип на *-ija* также засвидетельствован несколькими примерами в Верхнем Поднепровье: *Орлия, Вессия, Луния* и др. Специального замечания заслуживает единственный гидроним на *-уй-ка* — *Бобруйка*, расширение названия *Бобруя*, которому соответствовали бы лит. **Bebrauja*, **Babrauja*.

Довольно распространенный балтийский класс гидронимов с элементом *-t-*, включающий ряд разновидностей в зависимости от характера предшествующего гласного, представлен в Верхнем Поднепровье прежде всего двумя наиболее употребительными типами. С одной стороны, речь идет о названиях на *-ита*, в которых лишь для отдельных случаев можно подобрать соответствующую балтийскую основу (ср. *Колпута* — прусск. *Gulbiten*); полезно помнить и о названиях, расширенных с помощью слав. *-ка: Колпитка, Хохлитка* и др. С другой стороны, в верхнеднепровской гидронимии находит отражение балтийский словообразовательный тип с суффиксом *-eta*, ср. *Скверета, Несета, Верепета, Кичета*. Интересно, что за пределами Днепра известна *Гордота* (Верхняя Волга), в которой можно видеть отражение другой разновидности балтийского суффикса с элементом *-t-*. Еще некоторые словообразовательные балтийские типы могут быть вскрыты в гидронимии Верхнего Поднепровья, но уже при более тщательном анализе, ср. *Водоча*, лит. *Vadaktis, Vadakstis*. Не исключено, что среди гидронимов на *-ча* есть некоторое количество названий, скрывающих в себе старые балтийские форманты с элементом *-t-*, однако, в настоящее время говорить об этом конкретнее было бы неосторожно.

Наконец, мы можем вскрыть в верхнеднепровской гидронимии следы еще одного балтийского словообразовательного типа. Речь идет о форманте *-ista*, связанном внутри балтийского словообразования с суффиксами *-asta, -esta, -osta, -uosta, -usta*. В пределах нашей территории в этой связи должен быть отмечен гидроним *Обеста/Обиста/Обста/Абеста*. За пределами Верхнего Поднепровья, кроме ряда балтийских гидронимов вроде лит. *Aknysta, Lokysta, Laukysta* и т. п., имеется точное соответствие в виде литовского водного названия *Abista*.

Региональный балтийский гидронимический тип на *-(u)va* на верхнеднепровской территории представлен гидронимами *Водва, Титва, Cit-*

wa, Митва, Надва, возможно, *Болва* и др. Для балтийской гидронимии характерно наличие двух разных образований с суффиксальным элементом *-s-*. С одной стороны, речь идет о показателе *-sa,* четко выделяемом лишь в некоторых случаях, с другой стороны, — о нескольких суффиксальных разновидностях в зависимости от характера гласного элемента, предшествующего этому *-s-: -esa, -asa-, -osa-, -usa-*. По-видимому, все эти типы в той или иной степени отражены в гидронимии Верхнего Поднепровья, ср. на *-са: Водса, Корса, Уса, Плиса;* на *-аса: Волчаса, Очаса;* на *-еса: Лучеса, Волчеса, Овчеса, Очеса, Оресса;* на *-оса: Водоса, Оросса, Мордосы;* на *-уса: Неруса, Воронуса.* Несомненность этих случаев освобождает нас от необходимости говорить о них подробнее.

В форманте *-ша* ряда верхнеднепровских гидронимов, по крайней мере, в отдельных случаях, весьма вероятно отражение особых балтийских словообразовательных типов, однако, небольшое количество примеров, а главное — отсутствие точных балтийских соответствий, охватывающих и корневую часть, не позволяет с уверенностью определить, имеем ли мы дело со старым суффиксом *-sa, -usa* или каким-нибудь другим. Единственное соответствие можно предполагать в прусск. *Dargow* (ср. *Дороговша),* лишенном, правда, суффиксального оформления. Таким образом, верхнеднепровская гидронимия на *-ша* имеет менее определенные балтийские соответствия, которые к тому же, затемняются такими случаями, как *Ропша,* иранское происхождение которой очевидно. Хотя среди верхнеднепровских гидронимов на *-жа* несомненно присутствие ряда балтийских названий, говорить здесь об отражении определенного балтийского словообразовательного форманта довольно затруднительно. Дело в том, что некоторые из гидронимов балтийского происхождения на *-жа* имеют достаточно убедительные соответствия в гидронимии современных балтийских территорий, указывающие с очевидностью, что элемент *-ж-* принадлежит не к суффиксу, а к корню, ср. *Невежа* — лит. *Nevėža, Морожа* — прусск. *Margis.* Лишь в отдельных случаях можно говорить о суффиксальной принадлежности *-ж-,* которая подтверждается и соответствиями из балтийской гидронимии, например, *Лобжа* при лтш. *Lubūzis.* Несколько труднее трактовать суффикс в том случае, когда элементу *-ж-* предшествует гласный (*-ыжа, -ижа*). Если в таких суффиксах искать отражение балтийских словообразовательных типов, то может возникнуть соблазн сравнить их с употребительным в балтийской гидронимии и топонимии суффиксом *-ng- (-ing-, -ung-, -eng-).* Однако региональная ограниченность этого суффикса на теперешних балтийских территориях, как и отсутствие вполне надежных параллелей, делают пока предположение о наличии суффикса *-ng-* в верхнеднепровской гидронимии весьма гадательным.

В гидронимии Верхнего Поднепровья с элементом *-га* несомненно отражены некоторые типы балтийского словообразования с формантом *-g-*. Точное определение вида суффикса в таких случаях часто затруднено, хотя наиболее вероятным суффиксальным вариантом являются *-aga/-ega/ūga,* ср. *Ведога/Ведуга, Ведьга* — лит. *Vedega, Vadaga; Рыдыга, Рыдога* — балт. **Rūdūga/*Rūdaga, *Raudaga* и др.

Для юго-западной окраины старой балтийской области характерны речные названия, оканчивающиеся на *-da*. Их узкорегиональный характер, как и их принадлежность к ятвяжскому гидронимическому типу, по-видимому, несомненны. Сам фонетический вид элемента *-da*, предполагающий более старое славянское *-ъda* из балт. **udā* 'вода', является удачным критерием для установления диалектной принадлежности названия, поскольку в восточнобалтийских и прусских диалектах этот формант совершенно неизвестен в гидронимии, а сам апеллатив со значением 'вода' имеет иную форму. Водные названия с элементом *-da* непосредственно примыкают к верхнеднепровскому бассейну с запада, располагаясь в своем большинстве по верховьям Немана и по Западному Бугу, ср. *Голда, Гривда, Невда, Sichda, Соколда (Суколда)* и др. Названия на *-да* переходят на территорию Поднепровья лишь в одном районе, непосредственно продолжая названный ареал гидронимов на *-да*, ср. *Яселда* (вар. *Яселда, Ясельда, Ясолда, Ясолна, Яснолда*). Кроме этого гидронима, в Верхнем Поднепровье достоверных примеров продолжения речного форманта *-да*, видимо, нет. Основные типы балтийской гидронимии не исчерпываются моделями, построенными на использовании различных формантов. Наряду с этим словообразовательным способом балтийская гидронимия знает весьма характерный способ образования водных названий с помощью словосложения такого типа, который практически крайне редок в старой индоевропейской гидронимии и уводит нас скорее в финскую область, где подобный способ является основным. Речь идет об излюбленном в балтийской гидронимии словосложении со вторым элементом, обозначающим реку, озеро. Несколько сот образований такого рода со вторым членом *-upė/-upis/-upys* отмечено в восточнобалтийской области, где этот тип весьма продуктивен, ср. лит. *Algupys, Alkupis, Bartupė, Daugupys, Ėglupys, Gelžupis, Juodupė, Laukupė, Šešupė, Šilupė, Vandupė, Vilkupis* и др. Не менее многочисленны примеры такого типа в латышской гидронимии: *Aunupe, Āžupe, Baluožupe, Cauņupe, Ežupe, Gaiļupe, Guovupe, Jerupīte, Kazupe, Lāčupe, Raudupis, Taurupīte, Ūdrupe, Vēžupe, Zivupe* и др. В прусской гидронимии этот тип представлен также целым рядом примеров, ср. *Berukapy, Caymenape, Caupeaps, Kirsappen, Kirsnappe, Laukappe, Nycape, Perapien, Rinappe, Sarape, Serappin, Serenappe, Swereppe, Wangrapia, Wogenapp, Vogoeaps* и др. (этот тип нашел отражение в немецкой ономастике регионального прусского происхождения, ср. *Glasenapp*). Что касается верхнеднепровской территории, то в качестве следов этого типа можно назвать *Нероплю*, во втором члене которой еще прежде видели отражение балтийского названия реки **Ner-up-/*Ner-ap-*, ср. лит. *Nar-upė;* сюда же, видимо, относится игнорировавшееся до сих пор в этой связи название реки бассейна Сожи — *Натопа*. Заслуживает пристального внимания тот факт, что следы балтийских образований подобного типа на русских территориях встречаются прежде всего в непосредственном соседстве со старыми финскими территориями, т. е. на восточной и северной периферии распространения балтийских племен, ср. за пределами Верхнего Поднепровья, но в непосредственной близо-

сти к нему такие названия, как *Жукопа* (Верхняя Волга), *Ужепа* (бассейн Оки), *Каспля* (Зап. Двина), *Кудепь* (приток Великой), ср. также село *Горспле* и др. Более сложно обстоит дело со следами названий со вторым членом, обозначающим озеро; отчасти это связано, видимо, с формальной близостью балтийского и славянского названий этого слова. Такая же неясность существует и в отношении менее распространенного типа преимущественно топонимических названий со вторым элементом, обозначающим 'конец', 'край', ср. в восточнобалтийской области образования на *-gala, galas:* лит. *Ariogala, Maišiogala,* лтш. *Latgale, Zemgale* и др. На верхнеднепровской территории говорить о надежных примерах такого рода довольно трудно. Однако можно отметить употребление второго члена этих сложений в качестве самостоятельного названия болот в Белоруссии, ср. *Галы,* а также загадочное речное название в верховьях Днепра *Лупоголова* — вар. *Луп(п)а,* отраженное в Книге Большому Чертежу в форме *Лупогалова,* в которой дело, может быть, не в простом аканье. Тем более что на крайней восточной (как, впрочем, и западной) периферии балтийской области названия на *-gala* вполне очевидны, ср. хотя бы галиндов у Птоломея на территории Пруссии и голядь русских летописей на Протве.

Помимо вышеуказанных следов балтийской гидронимии, отраженных в словообразовании и словосложении названий вод в Верхнем Поднепровье, целесообразно говорить о разного рода гибридных образованиях с различной долей участия в них балтийского и славянского элемента. Если учесть гидронимы целиком балтийского происхождения, без каких-либо следов славянской обработки, с одной стороны, и целиком славянские гидронимы, лишенные всяких признаков балтийского влияния, с другой стороны, то получается целая шкала постепенных, иногда трудно заметных переходов от балтийской гидронимии к славянской. Такая постепенность переходов и многообразие ступеней делают особенно важной проблему гибридных образований, их классификации и, наконец, географического приурочения тех или иных гибридных типов. Изучение образований такого рода может вскрыть основные моменты процесса освоения верхнеднепровских территорий. Естественно, мы здесь не можем претендовать на полный учет фактов; в настоящий момент важнее обратить внимание на самую постановку вопроса и на необходимость его решения. Тем не менее, некоторые конкретные наблюдения по классификации гибридных типов могут быть суммированы в общих чертах уже сейчас.

Так, балтийские названия без всяких признаков славянского влияния или хотя бы возможности переосмысления в соответствии со славянскими образцами можно видеть в гидронимах вроде *Ведоса, Невежа, Водва, Болва, Волма* и т. п., находящих фактически полное соответствие в гидронимии балтийских территорий и не содержащих в своем фонетическом облике каких-либо особенностей, которые противоречили славянскому фонетическому типу и нуждались бы в субституции. Близко к указанным примерам подходят случаи вроде *Лучеса, Водога /Ведьга/, Титва, Обеста* и др., которые также имеют точное соответствие

в балтийской гидронимии, но уже прошли через славянскую фонетическую обработку (иногда закономерную, а иногда факультативную). Следующая категория случаев представлена балтийскими названиями, в которых, хотя и с трудом, допустимо славянское переосмысление словообразовательного форманта, ср. *Ремист-ов* по аналогии *Дед-ов*. Наряду с возможностью славянского осмысления суффиксальной части известны гидронимические примеры, в которых происходит замена балтийского корня соответствующим близким по форме славянским корнем, как это нам уже встречалось в названии *Колпита*. Пример славянского переосмысления и корневой и суффиксальной частей некогда балтийского названия можно видеть в гидрониме *Волчица* — вар. *Волчеса, Волчаса*, ср. лит. *Vilkesa*. Наиболее многочисленный тип балто-славянских гибридных образований в гидронимии представлен примерами, в которых балтийский корень, обычно уже прошедший славянскую фонетическую обработку, присоединяет к себе бесспорно славянский суффикс, чаще всего не имеющий соответствия в балтийской гидронимии: *Лопанка, Ворминка, Варлинка, Какланка, Лучесянка, Мяделица, Можайка, Мерейка, Стабенка, Пелик, Абольна, Вупенка, Вержица* и др. Случаи противоположного типа, когда славянский корень расширен с помощью балтийского суффикса, наоборот, редки, ср. *Хмелита, Калита* и др. Две последних категории случаев по существу дают согласные показатели о том, что балтийский слой в Верхнем Поднепровье старше славянского; вместе с тем контакты балтийских и славянских диалектов были настолько тесны, что отдельные балтийские форманты могли стать употребительными или даже продуктивными при славянских корнях. Такие факты должны предостерегать исследователей от того, чтобы представлять процесс отступления слишком прямолинейно. В этом смысле особенно показательны названия вроде *Хохлитка, Деснокитка*, в которых славянский корень сопровождается балтийским суффиксом, в свою очередь расширения с помощью славянского суффикса. В результате подобные примеры выглядят как славянские. Еще больше доля участия славянского элемента в примерах, где и корень и суффикс осмысляются как славянские, а очевидно балтийские элементы отсутствуют вовсе, ср. пример с названием Березина, в котором следы участия балтийского элемента вскрываются с помощью специального анализа. Еще более трудно определить следы старого балтийского названия в случаях калькирования. Это удается сделать лишь при наличии некоторых специальных указаний, в частности, при учете различий в популярности того или иного типа называния. Примеры такого рода практически сливаются уже с собственно славянской гидронимией.

Обзор балтийских словообразовательных типов в гидронимии Верхнего Поднепровья, а также анализ разнообразных типов балто-славянского гибридного словообразования в сотечании с тем фактом, что балтийские названия носят даже мелкие речки и целый ряд населенных пунктов (т. е. те объекты, которые сравнительно легко меняют свое название), дают нам основание для весьма важного, с нашей точки зрения, вывода. Суть его сводится к тому, что балтийский этнический эле-

мент в Верхнем Поднепровье не отступал в сколько-нибудь значительных масштабах к северо-западу по мере продвижения восточных славян к северу. По-видимому, славянское продвижение протекало как естественное постепенное проникновение с ассимиляцией балтийского элемента в разное время на разных частях данной территории. Нужно предполагать, что и тогда, когда славяне продвинулись далеко на север, за пределы Верхнего Поднепровья, на нашей территории оставались еще многочисленные островки балтийского населения, которое через стадию двуязычия усваивало русскую речь, в свою очередь оставляя следы в языковых и этнографических особенностях местного населения, позволяющие заключать о том, что на освоенных территориях закончили свое существование некоторые самостоятельные балтийские диалекты, отличающиеся от известных нам. Последние, по всей видимости, сохранялись, хотя бы в остатках, достаточно долго, вплоть до начала II тысячелетия н. э.

Вопрос о диалектной дифференциации балтийской гидронимии Верхнего Поднепровья до сих пор практически не ставился. С этим приходилось мириться, поскольку общее количество балтийских названий на этой территории было слишком невелико и, кроме того, они находились на относительно ограниченной площади. Теперь, когда известно несколько сот таких названий, расположенных на очень значительной территории, не может быть сомнений в наличии диалектных расхождений в речи балтийского населения этих мест. В силу этих обстоятельств представляется своевременным уже сейчас обратить внимание на важность этой проблемы и постараться дать общую картину, возможную при современном состоянии изучения верхнеднепровской гидронимии. К сожалению, решению этой задачи препятствует целый ряд обстоятельств, причем некоторые из них, по-видимому, неустранимы. В частности, в ряде случаев мы практически не в состоянии сделать определенные выводы даже в отношении тех единичных примеров, которые, казалось бы, дают повод для заключений о диалектной принадлежности. Как образец можно привести несколько речных названий, в которых Фасмер видел различные диалектные варианты балтийского названия реки: *upė, ape*. Пристальный анализ убеждает нас в затруднительности, а отчасти даже в невозможности подобной интерпретации. Прежде всего, материал, на который опирался Фасмер в данной связи, был неполон. Сейчас можно считать, что этот корень выступал в гораздо большем количестве названий самого разного типа: *Упа, Упинька, Уперта, Описна, Апелка, Вупенка, Вопь, Вопец, Вопка, Вопля, Вопрат, Неропля, Каспия, Горспле, Жалдыбка, Янчапка* и др. Анализ этих названий заставляет решительно отказаться от прямолинейности в толковании фонетического облика гидронимов по целому ряду соображений. Не отрицая возможности действительного наличия в этих названиях двух диалектных вариантов, мы должны считаться с такими факторами как явно различное время усвоения славянами некоторых из перечисленных названий, ср., с одной стороны, *Упа*, предполагающее наиболее позднее знакомство носителей восточнославянских диалектов с данной балтийской фор-

мой, с другой стороны, *Вопь* или *Каспля,* которые были заимствованы столь рано, что успели проделать длинный путь собственно славянской фонетической эволюции. Весьма любопытно, что территориальные и общие исторические соображения подтверждают вышесказанное. Так, например, к востоку от Верхнего Поднепровья, в бассейне Оки, где славяне, как известно, появились позже, чем в Поднепровье, встречаются названия только с корнем *Уп-,* тогда как в Верхнем Поднепровье обычны примеры, свидетельствующие о раннем времени заимствования (единичная *Упинька* может объясняться и иначе). В этой связи особенно любопытны такие случаи, когда варианты одного и того же названия отражают разновременность усвоения их позднейшим населением этих мест, например, *Лучеса,* заимствованное еще в то время, когда балтийское *-ке-* должно было субституироваться в виде славянского *-че-,* и близлежащие *Лукесы,* сохранившие более древнее балтийское состояние в неприкосновенности (если иметь в виду интересующее нас изменение). Естественно, что такое разновременное заимствование балтийских названий осуществлялось восточнославянскими диалектами, находившимися на разных стадиях фонетической эволюции. Отсюда различные принципы славянской субституции балтийских названий, что также делает невозможными однозначные решения. Наконец, приходится считаться с очень значительным количеством примеров, когда речь о правильных балто-славянских фонетических соответствиях вообще невозможна. Мы имеем в виду случаи, когда балтийские названия подверглись вторичному осмыслению в плане славянской народной этимологии.

Следующая причина трудностей выявления диалектной дифференциации балтийских названий в Верхнем Поднепровье заключается в том, что в нашем распоряжении до сих пор нет достаточных по количеству и по степени достоверности материалов по балтийской гидронимии Литвы, Латвии и бывшей Восточной Пруссии. Что же касается имеющихся материалов, то, как правило, они остаются необработанными, в силу чего знания о гидронимических диалектных изоглоссах современных балтийских территорий настолько минимальны, что практически не позволяют произвести соответствующую проверку на верхнеднепровском материале. Но если это препятствие в принципе устранимо при соответствующих усилиях специалистов в области балтийской гидронимии, то есть некоторые другие препятствия, обойти которые едва ли удастся. Речь идет о том, что при относительно удовлетворительном знании гидронимии и топонимии древнепрусской территории мы весьма мало осведомлены в отношении древнепрусской апеллативной лексики. С этой стороны едва ли можно рассчитывать на сколько-нибудь существенные изменения. Далеко не полное знание древнепрусской лексики основательно мешает решению вопроса о диалектной дифференциации, поскольку мы каждый раз, когда не находим в древнепрусском слова, соответствующего данному восточнобалтийскому, как правило, не в состоянии решить, объясняется ли это диалектным расхождением или просто скудостью данных по древнепрусской лексике. Разумеется, сказанное еще в большей степени относится к другим, вымершим древнебалтийским

диалектам, от которых или ничего не осталось, или сохранились отдельные слова. Этот пробел особенно печален, поскольку можно предполагать, что некоторые из таких диалектов (ятвяжский, голядский) существовали на исследуемой нами территории и, возможно, оставили по себе следы в некоторых гидронимических названиях. Естественно, что в этих условиях мы можем говорить только о балтийском типе данного гидронима (и то не всегда), но не о его конкретной диалектной принадлежности.

Наконец, даже если от балтийских диалектных различий в области гидронимии перейти к диалектным чертам, различающим балтийские диалекты в целом, то окажется, что эти черты не всегда позволят дифференцировать в диалектном отношении балтийскую гидронимию Верхнего Поднепровья. Это объясняется тем, во-первых, что балтийские названия Верхнего Поднепровья усваивались восточными славянами и в то время, когда некоторые из диалектных различий, исторически известных балтийских языков не успели сложиться; во-вторых, в ряде случаев различные балтийские диалектные варианты могли одинаково отражаться на славянской почве; и, наконец, в-третьих, существуют некоторые восточнославянские диалектные явления, формально аналогичные соответствующим балтийским, что приводит к трудностям при разграничении. Что касается первой категории случаев, то нужно иметь в виду, что актуальные для современной диалектологии различия между шипящими и свистящими *(ž, š, — z, s)*, между *к* и *с* в положении перед гласным переднего ряда, между дифтонгом *ei* и гласным *ie*, между сохранением носового согласного перед другим согласным и его исчезновением в этой же позиции едва ли могли получить отражение (кроме единичных случаев) в гидронимии Верхнего Поднепровья, поскольку они возникли позднее. В частности, звук *-и-* в названии *Ситовка* в равной степени может отражать как зап.-балт. *ei* (ср. др.-прусск. *Seyte*), так и вост.-балт. *ie* (ср. лит. *Sietuvà*, «река», лтш. *siets* 'глубокое место в реке'). Точно так же было бы несправедливым видеть в названии *Залятка* на основании начального *З-* (а не *Ж-*) гидроним латышского типа (ср. лтш. *zāle* 'трава' при лит. *žolė*). Аналогичным образом мы бы не решились настаивать на специально литовском происхождении названия *Биржевка*, поскольку *-ж-* могло отражать соответствующий звук не только в литовском слове *beržas*, но и такой же звук в других балтийских диалектах, где он вспоследствии дал *z*, ср. лтш. *berzs* 'береза'. Существенное для современных балтийских диалектов различение *к* и *с* перед гласным переднего ряда оказывается неавторитетным при анализе верхнеднепровской гидронимии, поскольку, например, *К-* в *Кидель* может отражать как литовский диалектный вариант, так и древнелатышский (до перехода в *с*); с другой стороны, *Цидель* в бассейне Оки не обязательно отражает форму латышского типа (ср. лтш. *Ciduļupe*), но речь может идти и о позднейшем изменении *К-* на местной почве. Точно так же название типа *Венча* (из **Ventiā*) не дает полного основания говорить о его принадлежности к литовскому или прусскому типу; в равной степени оно может отражать старое состояние тех диалектов,

в которых позднее произошло упрощение тавтосиллабической группы, приведшее к утрате носового согласного.

Несмотря на многочисленные трудности, связанные с установлением диалектной дифференциации балтийской гидронимии в бассейне Днепра, возможно, полезно обратить внимание на некоторые локальные особенности этих названий, а также на анализ некоторых гидронимов, представленных двумя или несколькими фонетически близкими вариантами. В области словообразования нам кажется целесообразным выделение не только тех формантов, диалектную принадлежность которых можно без особого труда определить с помощью соответствующих примеров из живых балтийских языков, но и отдельных образований, имеющих локальный характер, даже если у нас нет определенных сведений об их диалектной принадлежности. Ряд гидронимов на *-да* характеризуется относительно узкой сферой распространения на крайнем юго-западе рассматриваемого района. Образования такого типа не встречаются в других местах Верхнего Поднепровья, зато их находят в бассейне Западного Буга. Это обстоятельство в сочетании с этимологическими соображениями делает вполне правдоподобным старое мнение о ятвяжской принадлежности названий с этим суффиксом. Пожалуй, на нашей территории нет другого столь четко ограниченного ареала балтийских названий, в диалектной принадлежности которого не приходится сомневаться. Любопытно представлено в Верхнем Поднепровье разграничение гидронимов с суффиксами *-ия* и *-ея*. Первые из них тяготеют к южной части Верхнего Поднепровья, сосредотачиваясь в основном по Припяти, вблизи ареала на *-да* и обычно не заходя севернее 53° северной широты. Напротив, речные названия с суффиксом *-ея*, как правило, сосредотачиваются как раз к северу от 53-ьей параллели. Показательно, что такое взаимоисключение (хотя и не вполне последовательное) балтийских формантов *-ija* и *-ēja* представляет известный контраст с положением на территории Литвы и бывш. Восточной Пруссии, где они сосуществуют; иное положение наблюдается в Латвии, где названия на *-ija*, видимо, отсутствуют. Одна из наиболее четких диалектных гидронимических изоглосс на современной балтийской территории *-uva/-ava*, к сожалению, не может быть с уверенностью прослежена в Верхнем Поднепровье (впрочем, то же относится к возможностям различения балтийских гидронимов на *-uva/-va* из-за одинаковости их фонетического развития на славянской почве). Однако нам известно, во-первых, приблизительное распространение названий на *-ва* в Верхнем Поднепровье (полоса, тянущаяся с верховьев Днепра в юго-западном направлении вплоть до правобережья Припяти) и, во-вторых, что названия на *-ва* (из *-uva*) скорее связаны с соответствующими древнепрусскими и литовскими образованиями, чем с латышскими, где вместо суффикса *-uva* в гидронимии обычно выступает *-ava*. Примерно ту же территорию, что и названия на *-ва*, занимают гидронимы на *-aca/-eca/-oca*, отмечаемые на современной балтийской территории преимущественно в Литве. Что же касается других гидронимических формантов балтийского происхождения, то на их материале трудно судить о диалектной

дифференциации Верхнего Поднепровья: в одних случаях количество имеющихся примеров слишком ничтожно, чтобы сделать какие-либо определенные заключения, в других случаях решение вопроса невозможно из-за того, что не выявлены гидронимические изоглоссы на современной балтийской территории. Те же трудности встречаются при попытке диалектной дифференциации единичных гидронимов предложного типа. Речь идет, прежде всего, о названиях вроде *Устарь*, ср. *Тара, Усперт* и, может быть, *Пипин*. Хотя едва ли можно надеяться на достоверные результаты в диалектном приурочении этих названий, все же обращает на себя внимание, что *Ус-* в первых двух примерах скорее отражает восточнобалтийский тип предложных образований, известных в топонимии; напротив, в древнепрусской топонимии отсутствуют названия с соответствующим предлогом. Что же касается названия *Пипин*, то, если верна предлагаемая нами этимология (из **Apei-pīn-*), также можно думать скорее о связи с восточнобалтийскими примерами, в частности, может быть, с литовскими, чем с древнепрусскими.

Выше говорилось о трудностях установления диалектной дифференциации верхнеднепровских гидронимов с помощью фонетических критериев, поэтому в этой связи трудно сказать что-либо определенное. Тем не менее, при учете некоторых других данных могут в ряде случаев оказаться полезными довольно разнообразные примеры фонетической вариантности в названии одной реки или в названиях разных рек от одного корня. При этом, естественно, следует помнить о возможности изменения уже на славянской почве и о возможностях разновременного усвоения данного балтийского гидронима. Недавно Арумаа высказал догадку о голядском происхождении названия реки бассейна Сожи — *Лыза* на основании *-з-* вместо *-ж-* (ср. латгальское *Lyūža*). Не исключена возможность, что в данном случае мы действительно имеем дело с особой диалектной балтийской формой, хотя и не обязательно голядской. В связи с названием *Лыза* небезынтересно учесть целый ряд примеров, где *-з-* чередуется с *-ж-*, ср. *Азарза* — вар. *Заржа, Жарка; Жубр* — вар. *Зубир, Зуберь, Зубер*, тут же поблизости *Зубар, Зуберь; Жавуница* — вар. *Завуница;* оказывается, что все перечисленные названия сосредоточены по течению Сожи, что делает эти варианты возможно более показательными. Характерно, что за пределами этого района речь идет уже не столько о разных вариантах названия одной и той же реки, сколько о разных гидронимах, отражающих мену *ж* : *з*, ср. *Залазенка, Залазинка, Залазка, — Жалижа, Жалож, Жиложка; Жагулинка — Загуленка*. К такому же типу вариантов относится *Шморговка — Сморговка*. Едва ли можно рассматривать как диалектные такие варианты наименований, как *Венча — Вяча, Морчанка — Морочь, Морожа — Моржовка, Лучеса — Лукесы, Гейшинка — Гижинка, Мильча — Молч, Аткильня — Чолна, Чолкна, Сенжа — Усяжа* и целый ряд других. Вариантность этих гидронимов, конечно, прежде всего связана с разной хронологией усвоения. Возможно, что значение фонетических критериев при определении диалектной принадлежности верхнеднепровских гидронимов несколько возрастет в дальнейших исследованиях в связи с установ-

лением лексических соответствий между данными названиями и связанными с ними апеллативами в балтийских языках.

Помня о высказанных выше ограничениях при определении диалектной принадлежности речных названий на материале лексики, всё-таки приходится констатировать, что в настоящее время именно лексический материал оказывается, может быть, наиболее удобным для данных целей. Естественно, что наиболее достоверной оказывается диалектная принадлежность гидронимов в тех случаях, когда для них имеются соответствия в древнепрусском и отсутствуют в литовском и латышском. В частности, такой случай представлен в названиях *Стабна, Стабня, Стабенка, Стабница,* относительно которых с известным основанием можно говорить как о гидронимах прусского типа, ср. др.-прусск. *Stabingen, Stabynotilte, Stabuniten, Stabayen, Stabelauken* — все от *stabis* 'камень', тогда как в литовском и латышском для названия 'камень' существует иной корень. По-видимому, название древнепрусского типа отражено в *Поня,* ср. др.-прусск. *Panyen* от др.-прусск. *pannean* 'болото', тогда как в восточнобалтийских языках для обозначения болота существуют другие слова. Сопоставив эти надежные лексические факты о диалектной принадлежности балтийской гидронимии Поднепровья с соответствующими фактами на материале словообразования и фонетики, приводившимися выше, приходим к весьма интересному заключению. Оказывается, что совокупность выявленных фонетических, словообразовательных и лексических особенностей в тех случаях, когда все они могут быть приурочены примерно к одному и тому же месту, не соответствует ни одному из известных балтийских диалектов. Иными словами, приходится сталкиваться со случаями совмещения черт, известных нам из разных балтийских языков. Если, например, брать территориально ограниченный район по верховьям Днепра и по Сожи, то легко заметить, что наряду с явно прусскими по типу названиями вроде *Стабна* соседят такие словообразовательные форманты восточнобалтийского типа как *-esa/-asa* и, с другой стороны, фонетические особенности, относимые к говорам голяды (мена *ж* : *з*). Это лишний раз говорит о том, что было бы наивно отождествлять исчезнувшие балтийские диалекты Поднепровья с каким-либо конкретным языком Прибалтики, поэтому нужно считаться с наличием в Верхнем Поднепровье особой группы балтийских диалектов. К сожалению, наибольшая трудность заключается именно в выявлении лексического состава этих неизвестных диалектов, поскольку мы лишены возможности сравнивать с чем-то конкретно засвидетельствованным, как в случае литовского, латышского и древнепрусского языков. И лишь в исключительных случаях можно условно восстанавливать отдельные лексемы, не имеющие точного соответствия в известных балтийских языках. Вероятно, такой случай представлен в названии *Откильня/Аткильня* (ср. также *Чолна, Чолкна*). В этом слове мы видим старое обозначение источника, родника, выраженное с помощью приставки *at-* и слабой ступени корня **kel-/*kil-* 'подниматься, происходить' (в отношении семантики ср. русск. *род-*

ник — родить). В известных же балтийских языках родник, источник как раз обозначается иными способами.

Среди других случаев, позволяющих говорить о диалектной дифференциации на материале лексики, можно выделить группу примеров с сепаратными апеллативными соответствиями в известных балтийских языках, ср. *Гейшинка* при древнепрусском *geeyse* 'цапля', *Доколка*, ср. др.-прусск. *Dakow* при *doacke* 'скворец' и др. Сюда же примыкают примеры с сепаратными гидронимическими связями, ср. *Абеста* при лит. *Abista*, *Ремистово* при др.-прусск. *Ramestow*, *Орижна* при др.-прусск. *Aryngine*, *Иночка* при др.-прусск. *Inacus*, *Кубарь* при лит. *Каубри* и др. Примеров подобного рода с сепаратными соответствиями на материале лексики довольно много, что дает основание для того, чтобы наметить целый ряд частных лексических изоглосс, объединяющих Верхнее Поднепровье с отдельными районами Прибалтики. Помимо сказанного, представило бы интерес определение диалектной принадлежности тех гидронимов, которые на нашей территории повторяются неоднократно и часто связаны цепью сложных переходов, ср., например, *Ректа*, *Рехта*, *Реста*, *Рышты* и другие варианты. В этом этимологически трудном случае вопрос о диалектной принадлежности решается в зависимости от того, какое этимологическое решение будет выбрано. При связи с названием ореха диалектная принадлежность должна была бы объясняться как восточнобалтийская (ср. лит. *riešutas*, лтш. *rieksts* при др.-прусск. *reisis*). Если же думать о связи с балтийским названием болота, то тогда с определенностью можно будет говорить о восточнобалтийском происхождении только варианта *Реста* (ср. лит. *raistas* 'болото' и многочисленные гидронимы от этого корня на территории Литвы).

Хотя и одного только приведенного гидронимического материала вполне достаточно для того, чтобы не сомневаться в наличии балтийского населения в Верхнем Поднепровье, однако, есть и другой источник, свидетельствующий о том же, — многочисленные следы пребывания здесь балтов, отложившиеся в русской диалектной лексике. Всё это вместе взятое заставляет по-новому взглянуть на этническую и языковую историю Верхнего Поднепровья.